своего ученика, в письме к А. С. Шишкову замечал: «Я хочу показать ему (Я. Пожарскому, — *А. П.*) места, которые Мюллер, еще прежде его трудившийся над переводом помянутого „Слова“ под моим влиянием, также перевел и понял».[13] Добровский здесь, конечно, защищал свои чтения.

Юнгманн и Мюллер не проявили разногласий по основным вопросам, неизбежно встающим при переводе «Слова о полку Игореве»; это сходство, очевидно, следует объяснить именно влиянием Добровского. Влияние, как мы уже говорили, не ограничивалось областью прочтений, хотя и в этом отношении переводы очень сходны: например, Юнгманн и Мюллер верно перевели слова «до кур» в значении «до пения петухов»; слово «папързи» им тоже объяснил И. Добровский: у Юнгманна — «popruhy», у Мюллера — «eiserne Bänder»; в позднейшем переводе В. Ганки — «popruzi», «eiserne Schuppen-Bänder». В письме Добровского к Шишкову от 11 февраля 1820 г. имеется указание: «...папорзи есть конечно не иное что, как польское poprąg, богемское poprieg».[14]

Влияние Добровского сказывается в решении вопроса о жанре памятника (у Юнгманна — «Slovo (řeč)», у Мюллера — «Sermon») и о его авторе (Мюллер считает его монахом из Малороссии: «Geistlicher von Kleinruβland», Юнгманн также: автор «Слова», по его мнению, — «малоросс и, может быть, монах»). У Добровского в письме к Копитару, написанном, по датировке Ягича, в феврале—марте 1810 г., как раз в то время, когда Юнгманн работал над переводом, встречаем аналогичное высказывание: «Поэтому москвичи Игореву песнь, автор которой был малоруссом или червоноруссом, не везде поняли».[15]

В вопросе о ритмике «Слова о полку Игореве» мнения обоих переводчиков также совпадают с мнением И. Добровского: «Слово», считают они написано ритмической прозой со стихотворными вставками.[16] Юнгманн разделил на стихи зачины Бояна, попытался восстановить ритмическую структуру первой строфы («Не буря соколы занесе»), нарушенную, по его мнению, в процессе переписывания. В переводе он включил в третью строку двусложное слово, выделив его скобками:

Ne bouře sokoly zanáší
Přes pole široká;
(nébrž) kavky stády letí
K Donu velikému.

Также он разделил на стихи характеристику курян, «цитату» из Бояна в конце «Слова» («Тяжко ти головы...») и слова автора, следующие за ней.

Мюллер пошел еще дальше: он выделил в стихи 8 мест из текста.

---

[13] Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова, т. II. Берлин, 1870, стр. 374 (письмо цитируется по переводу, сделанному А. С. Шишковым).

[14] Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова, т. II. стр. 375.

[15] И. В. Ягич. Письма Добровского и Копитара, стр. 115: «Daher haben die Moskauer Russen den Gesang auf Jgor, dessen Verf[asser] ein Malorusse oder Roth — russe war, nicht überall verstanden».

[16] В 1827 г. в рецензии на „Историю славянских языков и литератур по всем наречиям“ П. И. Шафарика, Добровский писал: „Zu den schätzbarsten poetiscqen Denkmäler dieser Zeit, sag Hr. Sch. S. 150, gehört das Heldengedicht Jgor (Slovo o polku Jgora, Jgors Zug gegen die Polowzer), ausgezeich durch K hnhnit, Kraft und Anmut, sowohl der Gedanken als des Ausdrucks. DiesesSlovo (Sermon) enthält aber doch auch gar viele matte, prosaische, gedehnte Stellen, und ist ein sonderbares Gemengsel von Poesie und Prosa“. (Josef Dobrovský. Šaffarik Paul Joseph, Geschichte der sl. Sprache und Literatur nach allen Mundarten, Ofen, 1826, 524 s. Jahrbücher der Literatur, 37, 1827, стр. 11).